

Новая аудиозапись Цзян Яна стала для Линь Сюя смертельным искушением. Сотни предыдущих записей он прослушал бесчисленное количество раз, и, как бы сильно он их ни любил, новизна ощущений давно притупилась.

Шахматная фигура воплотила в жизнь давние фантазии Линь Сюя, а уж то, что повествование началось с такой захватывающей сцены, лишь подлило масла в огонь.

Когда он писал роман, то придерживался правила, что первые три главы должны цеплять читателя, поэтому сразу сделал ставку на любовь и ненависть главных героев, через насильственное заточение подводя сюжет к прошлым распрям и будущим сделкам и манипуляциям.

Линь Сюй и представить не мог, что однажды сам, как автор оригинала, попадет в ловушку этого приема.

Он в наушниках раз за разом переслушивал запись: Цзян Ян и Син Син отыграли безупречно, эмоциональные переходы были плавными, и даже от таких провокационных фрагментов он едва мог сдержать себя.

Трудно представить, что будет, если озвучат постельные сцены, если Цзян Ян прошепчет что-то своим пробирающим до костей голосом...

Бледно-белые тонкие ступни Линь Сюя поджались, пальцы ног зарылись в простыню, а кожа, открытая ночному воздуху, слегка покраснела.

Спустя некоторое время он почувствовал, как прогнулся матрас, ощутил пушистое прикосновение к ногам — икры лизал шершавый язык.

Лэ-лэ наелся косточек и пришел к хозяину, обнюхивая его со всех сторон.

Линь Сюй отдернул ноги и наконец сел на кровати. Волосы были влажными и растрепанными, выражение лица — холодным, как обычно, но глаза подернулись влажной дымкой, а воротник сбился, обнажая ключицы, которые пылали ярче, чем лицо.

Лэ-лэ вилял хвостом, улегшись в ногах кровати и глядя на него.

Шерсть у бордер-колли длинная, собака линяет, но Линь Сюй позволял ей забираться на постель, а иногда даже спал в обнимку с псом.

Сейчас Линь Сюй не обращал на него внимания. Его дыхание было неровным, он не стал подавлять физиологическую реакцию, босиком сошел с кровати и сел за стол, чтобы найти сценарий, присланный Сяо Вэнь.

Линь Сюй снял наушники, сделал несколько больших глотков холодной воды из стакана, чувствуя, как внутренний жар немного утих, глубоко вздохнул и приготовился сосредоточенно редактировать текст.

Он обещал режиссеру закончить сценарий сегодня вечером; даже если не получится написать все, нужно было подготовить хотя бы первую часть, чтобы работа над аудиодрамой шла гладко.

У него был свой скрытый умысел: помимо изменений в основной сюжетной линии, он не удалил ни одной постельной сцены из книги, а наоборот, добавил еще несколько фрагментов с поцелуями и сдержанными стонами.

В нынешних реалиях в романах запрещено писать о чем-то большем, чем поцелуи, поэтому в оригинале атмосфера чаще всего передавалась через описание чувств, заставляя читателей додумывать остальное.

Но для аудиодрамы таких строгих рамок нет: поцелуи и близость — естественное развитие отношений героев.

Иногда ведущие актеры намеренно записывают сцены более чувственно, выражая плотские желания голосом, чтобы сделать двусмысленные моменты более наглядными. Это заставляет слушателей трепетать, удовлетворяет их фантазии и, к тому же, привлекает аудиторию.

Хотя Линь Сюй не слушал аудиодрамы, он прекрасно понимал эту кухню, поэтому нагло добавлял сцены, прикрываясь заботой о читателях и раскрытием характеров, чтобы потешить собственное эго.

Давно Линь Сюй не принимался за работу с таким воодушевлением. Он вложил в нее свои ожидания: одна мысль о том, что Цзян Ян озвучит фрагменты, которые раньше существовали только в его снах, заставляла его сердце биться чаще.

Впервые он мог сохранять ясность ума без литров кофе. Это состояние бурного восторга и полной отдачи работе было забытым чувством — он был предельно сконцентрирован и невероятно продуктивен.

У Линь Сюя была привычка: перед началом работы он составлял подробный план, от общего к частному, прописывая структуру каждой главы, чтобы не забыть основные события и ключевые диалоги.

Сценарий для Шахматной фигуры шел как по маслу: он открыл старый план, используя его как опору, и вносил новые правления в текст, присланный Сяо Вэнь.

Когда Линь Сюй опомнился, было уже три часа ночи. Он размял затекшую и ноющую шею, и кости отозвались громким хрустом.

За несколько часов работы он написал треть сценария. Он заварил кофе, чтобы взбодриться, проверил текст с начала до конца и, не найдя ошибок, отправил его режиссеру и Сяо Вэнь.

Кто бы мог подумать, что режиссер тоже не спит — ответ пришел почти сразу.

Режиссер аудиодрамы Шахматная фигура: Отличная работа, я все внимательно изучу.

XU: Это моя обязанность.

Линь Сюй был занят сценарием и не заглядывал в WeChat, поэтому не видел, что на нескольких иконках висят красные точки — это редакторы напоминали о дедлайнах.

Он быстро ответил каждому, а затем его взгляд задержался на закрепленном чате.

Диалог с пользователем под ником Yang был чист и пуст. На его последнее сообщение так и не ответили, а смайлик с обезьянкой выглядел немного нелепо.

Линь Сюй несколько раз перечитал короткую переписку, закрыл приложение и откинулся на спинку стула, глядя в потолок и позволяя мыслям рассеяться.

Он был измотан. Пока писал, не чувствовал усталости, но теперь, когда пришел в себя, она навалилась всей тяжестью. Разболелась голова, а после кофе уснуть было невозможно.

Электронные часы показывали 3:40. Линь Сюй потер переносицу, растер лицо, откинул волосы со лба и тяжело вздохнул. Затем поднялся, подошел к кровати и толкнул пса, который спал, раскинув лапы, словно мертвый.

Лэ-лэ, пребывая в глубоком сне и даже похрапывая, открыл глаза и растерянно посмотрел на хозяина: ?

Линь Сюй натянул футболку и шорты:

— Пошли, погуляем.

Лэ-лэ, еще не до конца проснувшись, ничего не понял, но стоило Линь Сюю помахать перед ним поводком, как в круглых глазах вспыхнул огонек. Пес вскочил и бросился к хозяину, радостно виляя хвостом.

Линь Сюй присел на корточки, пристегнул поводок, взял сигареты и вышел.

Ночной двор был тихим и пустынным, веяло прохладой. Небо, похожее на бархат, было

усыпано редкими звездами, оттенявшими лунный свет.

Линь Сюй затянулся, выдыхая белесый дым, который тут же рассеивался на ветру. Он слегка прищурился — свежий воздух, наполнивший легкие, помог немного развеять усталость.

Лэ-лэ опустил голову, обнюхивая землю, и, выбрав подходящее место, присел.

Линь Сюй не любил выходить из дома и не жаловал людные места. Из-за сбитого режима он часто выгуливал собаку глубокой ночью, закончив работу.

Он наслаждался этой тишиной, словно в целом мире остались только они двое. Запах древесины и влажной земли становился ощутимым только в такие часы, и Линь Сюй нравилось погружаться в это безмолвие в одиночку.

Он чувствовал, что сам управляет своим миром, а не мир управляет им.

Никотин принес облегчение, и он не удержался, закурился второй сигаретой. С холодным, невозмутимым лицом он наклонился, чтобы убрать за собакой.

Лэ-лэ, сделав свои дела, повеселел и бодро зашагал вперед.

Линь Сюй обошел с ним весь жилой комплекс, пропетлял по узким улочкам и, лишь когда его самого начало клонить в сон, направился домой.

Чернота ночи начала редеть, звезды прятались за облаками.

Линь Сюй много курил, и сам не заметил, как выкурил три или четыре сигареты — особенно когда он был расслаблен, то подносил сигарету к губам машинально.

Он как раз возился с неисправной зажигалкой, когда рядом раздался знакомый голос:

— Старшекурсник?

Линь Сюй замер, его рука остановилась. Он поднял голову и увидел источник звука.

Цзян Ян стоял неподалеку. На нем была та же одежда, что и на ужине: приталенная рубашка помялась, волосы были взлохмачены, а на лице читалась усталость, но даже так он выглядел потрясающе.

Увидев Линь Сюя, он удивился, а потом перевел взгляд на Лэ-лэ и поводок:

— Вы здесь живете?

Линь Сюй сухо кивнул, его голос после сигарет охрип:

— А ты...

— Я тоже здесь живу. Какое совпадение! — Цзян Ян улыбнулся, подошел к ним и погладил Лэ-лэ по голове. — Обычно авторы любят кошек, не ожидал, что у вас бордер-колли.

— Кошки слишком тихие, с собаками лучше, — Линь Сюй, сбитый с толку, ответил невпопад, а потом спохватился: — А ты в каком доме живешь?

Цзян Ян указал на дверь подъезда:

— В этом. Неужели и вы здесь? Я в 1701, переехал недавно.

— Я... в 1702, — Линь Сюй кивнул, сжимая поводок крепче.

Мало того, что соседи, так еще и дверь в дверь.

Линь Сюй сглотнул — вкус табака во рту заставил его снова потянуться за сигаретой, но он машинально спрятал ее в карман.

— Надо же, какое совпадение, — Цзян Ян ввел код от домофона и придержал дверь, пропуская Линь Сюя вперед. — Живу здесь больше месяца, а мы ни разу не столкнулись.

Линь Сюй никогда не выходил из дома, а собаку выгуливал глубокой ночью, конечно, они не встречались.

Если бы не то, что Цзян Ян вернулся в такое время, он бы и не узнал, что живет с ним по соседству целый месяц.

Лифт был просторным. Они поднялись на семнадцатый этаж. Красные цифры медленно менялись, и Линь Сюй через блестящую дверь лифта увидел, как Цзян Ян устало потер переносицу. От него пахло смесью парфюма и алкоголя.

— Ты... пил? — спросил Линь Сюй.

— Конечно нет, — лениво отозвался Цзян Ян. — Идет запись Шахматной фигуры, как я могу пить?

Линь Сюй погладил Лэ-лэ и не стал расспрашивать дальше. У него не было ни права, ни причин.

Цзян Ян продолжил:

— У друга был день рождения, ходили в караоке, потом на шашлыки. В итоге они все перепились, их тошнило, а я единственный, кто не пил, развозил их по домам. Устал до смерти.

Услышав эти слова, сказанные с детской жалобой, Линь Сюй обернулся.

Было видно, что он действительно вымотан — даже за те несколько секунд, пока они ехали, он закрывал глаза. Черты лица Цзян Яна были четкими, глаза глубоко посаженными, а линия челюсти — идеальной; в профиль он выглядел еще более ошеломляюще.

Цзян Ян был высоким, и его недовольное ворчание звучало довольно мило.

Линь Сюй спросил:

— Во сколько у вас начинается работа в студии?

— В десять, — Цзян Ян зевнул. — Так что у меня есть еще пара часов, чтобы поспать.

Раздался звонок, двери лифта открылись. Линь Сюй вышел первым, Цзян Ян последовал за ним.

У Линь Сюя стоял замок с отпечатком пальца. Когда он приложил руку, за спиной послышался звук вставляемого ключа.

— Отдыхай, — Линь Сюй открыл дверь, но не стал сразу заходить, присел на корзину, чтобы вытереть лапы Лэ-лэ. — Пришли мне потом адрес студии, я загляну днем.

— Хорошо, скину, — Цзян Ян снял обувь. Поворачиваясь, чтобы закрыть дверь, он увидел лицо Линь Сюя, помедлил и окликнул его: — Старшекурсник.

Линь Сюй обернулся, встретившись с ним взглядом.

Цзян Ян сказал:

— Вам идет улыбка. Улыбайтесь чаще, как пять лет назад?

— ...

— Теперь мы соседи, будем помогать друг другу и жить дружно, — Цзян Ян приподнял уголки губ. — Увидимся днем.

Дверь закрылась, в коридоре воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Лэ-лэ.

Линь Сюй вытер псу лапы и тоже закрыл дверь.

Вернувшись домой, Лэ-лэ побежал к миске с водой. Линь Сюй прислонился спиной к двери и замер. В прихожей на обувном шкафу висело зеркало — он повесил его, чтобы следить за своим видом перед выходом.

Сейчас в отражении он увидел себя: уголки губ приподняты в улыбке, холодное лицо смягчилось, а отчужденность и безразличие в глазах сменились нежностью.

Линь Сюй даже не осознавал, когда начал улыбаться, пока не увидел себя и не понял смысл слов Цзян Яна.

Цзян Ян увидел его улыбку и вспомнил того самого, полного энергии Линь Сюя из университетских времен.

Телефон в кармане завибрировал.

Линь Сюй достал его — пришло сообщение от Цзян Яна.

Yang: [Геолокация]

Yang: Я спать [Луна]

Улыбка Линь Сюя стала шире, он ответил просто: Хорошо.

Он пролистал переписку вверх, еще раз перечитывая сообщения после того, как они добавили друг друга в друзья.

Когда он снова поднял голову, легкая улыбка разлилась от уголков губ до самых глаз.

Спустя много лет Линь Сюй наконец снова искренне улыбнулся, полный надежд.